

Суси Валерий
Смерть 'Меньшевика'

Валерий Суси
Смерть "Меньшевика"
Документальная повесть

Вечером того дня, когда диктор по-шекспировски трагедийным голосом объявил о кончине Леонида Ильича, наша четверка метнулась в ночной кабак, самый популярный в Риге, хоть и набитый всегда жульем всех мастей. До сих пор не нахожу объяснения: мы оказались единственными посетителями! Ну, ладно там сомнительно-добропорядочные рядовые члены партии! А куда запропастилась постоянно нацеленная на выпивку толпа? Где обреталась в тот памятный вечер рижская "братва"? Да просто голопузая шпана? Ума не приложу. Неужели причиной мог послужить официальный запрет на исполнение музыки во всех питейно-развлекательных заведениях?

Мы сидели в гробовой тишине, и печальный официант, чуть оживившийся при нашем появлении (значит, не совсем без чаевых), обслуживал нас по первому классу. Потом, когда мы оприходовали каждый по бутылке "Столичной" и заорали песню во всю глотку, он вообще повеселел. Ходил, пританцовывая, и поощрительно подмигивал нам. То есть он совершенно не напоминал простодушного Козлевича (Ильф и Петров), который опасался, что его клиенты станут танцевать голыми.

Раньше я любил политический прогноз. (Кто не ощущает себя, хоть в малой степени, стратегом? Некоторым счастливицам везет больше, их сознание достигает вершин творчества Наполеона. Правда, охотней всего этот факт признают врачи.) А еще раньше я относился к политическому прогнозу индифферентно, то есть -- никак. Будучи невероятно азартным (если у нормального человека, как говорят, печень при возбуждении увеличивается в шесть раз, то у меня в двенадцать -- не меньше!), я, конечно же, не мог совсем остаться в стороне от прогнозов, а политическая ситуация в стране, знаете ли, ничуть не препятствовала самовыражению в этой области. Пожалуйста: футбол, хоккей, легкая атлетика, кое-где продолжали существовать "бега". На худой конец можно было поспорить с приятелем насчет того, кого первым встретим на улице -- мужчину или женщину? То ли фантазии не доставало, то ли мозги ТАК повернуты были, но почему-то не приходило в голову элементарное -- заключить пари, например, на то, как долго протянет Черненко, или Суслов, или Тихонов и так далее. "Скамейка запасных" была в полном порядке... Не то что у нынешней сборной России по футболу! Что касается цинизма, то у меня лично его было предостаточно, как, впрочем, и у моих друзей.

В перестройку политический прогноз перестал быть развлечением. Он превратился в "стиральный порошок". Теперь мне приходит в голову: если бы Горбачеву удалось не поддаться натиску демократов и не выпустить на телевидение самый грандиозный спектакль второй половины века, то ничего бы и не было. Не было бы распада СССР, путча, Ельцина, России, расстрела Белого дома, банков, Чубайса и всего остального.

Страсть к политическому прогнозу перемыла мозги всему советскому народу и все, что возможно было отмыть, отмылось.

Не важно, что я проигрывал все пари подряд и выкатывал коньки налево и направо. Важно, что с момента, когда Лигачев произнес историческое: "Борис, ты неправ!", я осознал всю глубину падения коммунистов и крайнюю степень пошлости их руководителей. В тот момент я даже сбросил, по крайней мере, половину того веса, который занимал во мне цинизм. Без всякой диеты.

Сентябрь в Риге всегда великолепен. "Фабрика по изготовлению прибалтийских дождей" с особым знаком монотонности уходит на перерыв. Зелень Веймарского парка, похоже, еще не чувствует свой возраст и продолжает демонстрировать себя с прежним кокетством, не задумываясь о близком расставании с подиумом. Да и правильно. Как жить, если неотступно думать о смерти и быть при этом безбожником? Тротуар сух и чист, как беговая олимпийская дорожка. Напротив парка -- старинный особняк в стиле псевдобарокко или что-то в этом роде. Во всяком случае, трудно сыскать другое такое здание, которое бы так удачно могло приютить служителей муз. Здесь располагались Союз композиторов и Союз писателей Латвии. Роскошное убранство внутренних помещений, анфилады, переливающийся паркет, каминный зал, подсвечники из натуральной бронзы. Торжественный проход по коридору благородного маэстро, изящные полупоклоны и насыщенные значительностью кивки. Так было до сентября 1989 года, то есть до того, как там начал заседать революционный штаб Народного фронта, после чего обитель муз стала напоминать Смольный в миниатюре. Есть такая бесполезная игра (почему-то, не сомневаюсь, все в нее иногда играют): представлять себя во времени и в обстоятельствах, далеких от реальности. Попытаться вычислить свое поведение. Например, бросился бы ты на дзот, смог бы мужественно держаться на допросе, поддержал бы большевиков в семнадцатом году, прыгнул бы с парашютом? Интригующих ситуаций и вопросов великое множество. А вот перечисленный набор фантазий, представлений о геройстве -- это явный признак "совковости". Только к сорока я понял, что на все эти вопросы у меня есть один ответ: "Нет". Мне, вообще, крупно не

повезло: за всю жизнь не встретил ни одного героя и это, несмотря на то, что они должны были (по теории) переполнять города и веши советской родины.

Обвиняют Олешу, Симонова, Эренбурга, Федина, Шкловского, Евтушенко... Список, пожалуй, мог бы составить отдельную книгу. За недостаточный героизм... За то, что они были такими же, как мы. Даже не такими же, а с куда более обостренным восприятием. Художник незащищен перед властью и перед людьми. Голый среди одетых и вооруженных палками. Не каждый способен, как Хемингуэй, мимоходом вскочить на уличный импровизированный ринг и отдубасить тяжеловеса и не каждый способен, как Лимонов, написать: "Пошли вы все на..." Дальше со всей лимоновской прямоотой (не оскорбляющей, кстати, моего уха) идет словечко, которое, на мой вкус, не требует обязательного присутствия. Однако различий между ними (Хемингуэем и Лимоновым) больше, чем сходства. Окажись я рядом с первым, непременно испытал бы восхищение. Общение с Эдичкой неминуемо завершилось бы мордобоем.

Где-то тут же в городе бурлил штаб Интерфронта -- оплот коммунистов. Эта организация настолько не интересовала меня, что и теперь, стремясь к точности, я не в состоянии назвать место их пребывания.

Чистота намерений условна, как чистота самого прозрачного бриллианта. Все равно не без примесей. Я поднимался по широким ступеням творческого особняка и нравился сам себе. Все имеют право на свободу. По какому праву кто-то отказывает в этом латышам? Тысячи остальных деталей -- всего лишь кольца для жонглирования, бесконечная тема для шовинистов, националистов, историков, политологов, экономистов, журналистов, соседей, клиентов поликлиник и пассажиров общественного транспорта. В очереди за пивом об этом не говорят. Там братство, равенство и свобода.

-- Здравствуйте, -- сказал я, приблизившись к письменному столу (их было четыре, но я, не выбирая, подошел к ближнему, из-за которого чуть недоуменно на меня смотрела румяная женщина в белоснежной блузке).

-- Здравствуйте, -- отреагировала она на отличном русском с присутствием латышам еле заметным акцентом. (Плохо говорили по-русски только очень старые люди, да и то, если всю жизнь провели на хуторе.) -- Хочу стать членом (членом!) Народного фронта. Вы не говорите по-латышски? -- сухо спросила она.

-- А это что -- необходимое условие? -- жестко и нервно переспросил я. Каждый раз начинаю злиться, когда нарываюсь на искусственную тупость. Дураки не могут вывести меня из себя.

-- Подождите! -- она встала и обнаружила мощное крестьянское туловище.

С напускным равнодушием я проводил ее взглядом, но отметил, что дверь в соседний кабинет "хуторянка" прикрыла за собой тщательно. Остальные три дамочки делали вид, что поглощены своими занятиями. Черта с два! Я даже спиной мог бы почувствовать их неприязненное любопытство. Словно у меня на лбу была высечена красная звезда.

"Может взять да уйти. Без объяснений. Без этого вежливого: "Всего доброго!" Молча". -- Мелькнуло. Но в этот момент вернулась моя регистраторша.

-- Присаживайтесь, -- сказала она без улыбки, однако достаточно вежливо. Я сел.

-- Надо заполнить анкету. На латышском языке. Я помогу вам, -- она разложила бланки и пошло-поехало.

-- Национальность?

-- Финн.

В этой ситуации никто и никогда не умел скрыть изумления. Штука в том, что внешне (черный и смуглый) я походил на кавказца, цыгана, еврея, араба, на кого угодно, только не на финна. В глубине души я и не оспаривал, что, по крайней мере наполовину, это могло быть правдой. Отца своего я не знал. Но по материнской линии я все же был финном, что бесстрастно фиксировала канцелярская запись в моем паспорте. В данном случае человеческое удивление было естественным и, казалось бы, не давало повода для раздражения. Тем не менее я раздражился. Кому какое дело, в конце концов? И почему я обязан пояснять интимные подробности?

-- Финн, -- сказал я и приготовился терпеливо переждать паузу, пока она переварит это известие. "Пирожок", кажется, пришелся по вкусу, и мышцы на ее лице чуть дрогнули, придав ему довольное выражение.

-- Вы говорите по-фински?

-- Нет. -- Я решил обойтись без комментариев. Пусть принимают таким, каков есть.

-- Понимаю, -- сочувственно отозвалась она и в первый раз улыбнулась. Мне показалось, вполне искренне. Я начал моментально оттаивать, как после стаканчика "Московской".

-- Ваша специальность? Кем работаете?

-- Образование юридическое. Работал журналистом в газете. Теперь председатель небольшого издательского кооператива.

Она аккуратно вносила сведения в соответствующие графы.

-- Семейное положение?

-- Женат. Двое детей.

-- Мы пришлем вам приглашение, когда определим, как лучше использовать вас в нашем деле, -- сказала она на прощание уже без всякой предвзятости.

Прошло два месяца. Штабисты Народного фронта, по всей видимости, "потеряли" меня. Московский Кремль тревожно закипал. Грозное побулькивание, шипение, перекачивание, неясные удары доносились до Риги. Люди стали выглядеть нетерпеливыми и раздраженными.

Можно жить ради денег, а можно жить интересно. В ту осень деньги для меня ничего не значили. Утро начиналось не с завтрака, а с дотошного изучения газет. Группа энтузиастов объявила о восстановлении социал-демократической партии. Моментальные ассоциации: Плеханов, Мартов, отказ от вооруженного восстания. Через час вхожу в ремонтируемое, полуразрушенное здание в Старой Риге. Развалы символичны. Воссоздают соответствующий моменту исторический фон. И на этом фоне я, по тем моим представлениям, выглядел прилично. Не отсиживался дома, не отгораживался от событий и даже имел собственный взгляд на происходящее. Мне казалось важным, чтоб об этом узнали другие. Все. Я тогда не подозревал, что свобода "вне меня" просто не существует, что это всего лишь одно из человеческих заблуждений. Свобода может быть только "внутри меня". Если бы я тогда это знал, то, дорогие мои, поверьте, я бы лучше занялся рыбалкой. Для здоровья было бы много полезней! Или, что было бы еще разумней, уже тогда, рванул в Финляндию. (Через шесть лет все так именно и закончится.)

Валдис Штейнс мог бы сойти за шкипера по такому общепризнанному пункту, как борода. Однако косматая, неряшливая голова и лоснящиеся от грязи волосы заставили тут же отказаться от этого сравнения. Моряк дисциплинирован и аккуратен. К тому же мне очень не понравилось, что в уголках его губ все время мелко пузырились слюни, а он не обращал на это никакого внимания.

-- Это очень хорошо, что вы пришли к нам! Это превосходно! Русские не должны оставаться в стороне. Между прочим, известно ли вам, что в Латвии до сорокового года, пока коммунисты не разогнали социал-демократов, в их составе были и русские?

-- Я, пожалуй, не смог бы назвать имен, но в общих чертах положение мне известно. Кстати, если мне не изменяет память, до того, как коммунисты изгнали социал-демократов, это сделал Карлис Улманис. Верней, он не изгнал их, а элементарно пересажал.

-- Ни одного не уничтожил, заметьте. Ни одного. -- "Сомнительная заслуга", -- подумал я, но развивать эту мысль не стал. Быв-

ший президент Латвии сочувственно относился к идеям фюрера, особенно в той части, которая оправдывала диктатуру. Латвию в сороковом "сдал" без трепыханий. Но нужно быть латышом, чтоб понимать национальный пиетет перед Карлисом Улманисом. Надеюсь, понятно, почему через несколько лет латыши избрали президентом Гунтиса Улманиса, племянника того, довоенного?

-- Я так понимаю, что партии как таковой пока нет. Есть инициативная группа. Задача -- собрать народ, подготовить Устав и официально зарегистрировать организацию. Так? -- перевел я разговор в деловое русло.

-- Уцелевшие социал-демократы в сороковом перебрались в Швецию. Фактически они сохранили партию. Но вы правы: нам здесь предстоит создать все заново, а с коллегами в Стокгольме мы будем координировать наши действия. Предварительные переговоры проведены, нам обещана поддержка с их стороны. В том числе и материальная. В скромных пределах, разумеется.

-- Я мог бы, в свою очередь, поместить заметку в русской газете, рассказать о создании партии и, таким образом, привлечь новых людей.

-- Отлично! Но имейте в виду: бывшим коммунистам у нас не место. Вы-то сами, надеюсь, не член партии?

-- Нет.

Я решил не вдаваться в излишние подробности. Мой антикоммунизм был скорее философским, чем практическим. Неприязнь (ненависть во мне так и не вызрела) я испытывал к вождям, идеологам, руководителям, партийным карьеристам. Рядовые коммунисты, работяги или даже те, кто принимал должность в одном пакете с необходимостью членства в партии, не вызывали у меня отрицания. Нет, я не страдал от избытка принципиальности. А чересчур принципиальным людям не верил тогда и не верю теперь. Потому что в одном случае мы имеем дело с проходцами высшей пробы, а в другом -- с идиотами. Много позже, пожив на Западе, я пришел к убеждению, что коммунисты даже полезны. Они составляют некий противовес тем, кто занимает в обществе правые крайние позиции. Вот пусть там и сидят!

-- Валера, -- как-то утром сказала мне жена, третья, между прочим, законная супруга (вторая во время развода заявила о моей неуживчивости, на что я отреагировал следующим образом: "Уважаемый суд! То обстоятельство, что я нахожусь в зале суда вторично по поводу развода, действительно, характеризует меня в определенной мере как неуживчивого человека. Но о каких чертах характера тогда свидетельствует то, что эта женщина, -- я кивнул в сторону бывшей жены, -- участвует в бракоразводном процессе в ... шестой! раз?" Брак наш был скоротечным как дуэль,

и я узнал об этом факте ее биографии недавно и совершенно случайно. Фактишко тщательно был замаскирован и прикрыт чистенькой паспортной. Суд удовлетворенно выдохнул и впаял каждому равную сумму штрафа. После чего я тоже почувствовал себя удовлетворенным). -- Валера, зачем тебе все это надо? Какого черта ты полез в политику? -- У нее было много достоинств чисто женского свойства. -- Зачем транжирить время на какую-то чушь, когда есть поставленное дело, приносящее в дом деньги? И неужели интересы латышей ты ставишь выше интересов русских?

-- Я на поле свободный защитник, понимаешь? "Либеро", -- она знала, что такое свободный защитник, так как пришлось ей побывать на стадионах в Одессе, Москве, Сочи, Ленинграде. Словом, везде, куда нас заносило с культурно-просветительной целью. -- Но, в отличие от футболистов, я свободен от обязанности играть только за одну команду и вольно перехожу на сторону тех, кто проигрывает. Послушай, Катюша, а почему в доме нет сыра? (Я разочарованно смотрел в полупустой холодильник.)

-- И творога нет, и мяса нет, -- отвлеченно подтвердила жена. -- Цены растут, но ты, кажется, об этом не догадываешься и выделяешь на семью те же деньги, что и раньше.

-- Вот как?

Жена моя не работала по моему же настоянию. Есть что-то очень мужское в том, чтоб быть способным содержать семью. Упрек бил по самолюбию. К тому же я ненавижу вопрос: "Зачем тебе это надо?" Он унижительный и бесцеремонный, этот вопрос. Я его всегда расценивал как оскорбительное покушение на свободу, на мою личную свободу. Мать твою за ногу! Как часто им меня нагружали, этим вопросом! Недоуменно, с издевкой, невинно, в шутку, злобно, по природной тупости. Однажды знакомый латыш, основательно воткнув кулак мне под ребро (проявление дружеского расположения), сказал:

-- А я вот никуда не лезу. Мне работать надо. Я -- латыш не лезу, а зачем

тебе -- нелатышу это надо?

-- Мы с тобой просто разные люди, Айвар, -- ответил я, сдерживая раздражение. В тот момент я ненавидел его.

Через два года (когда будет упразднено КГБ) он станет известным национальным политиком Латвии.

-- Возьми, -- я протянул жене пару затертых купюр. -- Через неделю добавлю. С учетом инфляции, конечно.

Низкий, чудовищно, уровень знаний бывших советских школьников шокировал. Выяснилось, например, что многие не улавливают различия между социал-демократами и национал-социалистами.

-- Ну ты, парень, сбрендил, -- встречали меня. -- В фашистскую партию заманиваешь?

Я на ходу, где-нибудь у подъезда или возле газетного киоска объяснял разницу. Иногда отшучивался. Иногда грубо, но веско посылал туда, куда часто посылает обидчика незатейливый русский мужичок. Выступления в прессе, однако, собрали несколько десятков энтузиастов. К январю мы уже не могли разместиться в тесном помещении штаба и кто-то из партийного руководства выбил для наших "сходок" класс в школе. Народец подобрался разношерстный. Несколько типов были стопроцентными шизофрениками. Еще часть явно рассчитывала на благодарность партии в будущем, когда она будет у власти. Остальным надоели коммунисты. Кое-кто напирал на общечеловеческие ценности. Всем грезилась свобода, но каждому по-своему.

Социал-демократические идеи, оказалось, не очень-то популярны и в латышской среде. Их набралось всего-то вполовину больше от нашего. Выбрали ЦК и все остальные структуры. Намерения мужиков выглядели так же серьезно, как тех, кто почти сто лет тому назад сбивал "команду" РСДРП. (Так рисовало мое воображение.) На объединенных русско-латышских заседаниях заметили, что у неприличного Валдиса Штейнса появился конкурент. Остроглазый, конкретный Янис Диневич. Кроме того, что он всегда безупречно одевался, от него исходила энергия и свежесть. Он избегал пустопорожних фраз. Одним словом, наша русская "гвардия" предпочла бы видеть его партийным "боссом", а не Штейнса, если бы возник случай выбирать. А он, случай, и возник. Сначала был теоретический мудреный спор о партийной программе. Надо ли теперь, здесь, вдаваться в подробности? Пожалуй, скажу лишь, что полемика заставила практически всех, то бишь каждого, "взять в руки тряпку, моющие средства и отмыть, оттереть" хотя бы ближние цели. Диневичу удалось прижать конкурента и вынудить его прилюдно проговориться по вопросу о гражданстве.

-- Надо восстановить "Закон о гражданстве" довоенной Латвии. Гражданство тем, кто родился в Латвии до 1940 года и их потомкам. В отношении остальных решать индивидуально. -- Пузырьки по углам губ интенсивно вздувались и лопались с брызгами. Хитрый Диневич дождал неуравновешенного оппонента.

-- Выходит, основную массу русских придется депортировать?

-- Не исключено! -- брызнул Штейнс.

Закончилось все традиционным и, конечно, демонстративным выходом из зала. Десяток приверженцев национальной (националистической?) идеи проследовали за своим лидером. "Гвардейцы" испытывали победное возбуждение, насилу сдерживая желание поулюлюкать вслед тем, кто только что нагло попытался

лишить нас самой возможности стать полноправными гражданами в будущей независимой Латвии.

Позвонил Диневич. "Ты знаешь, в мае состоятся выборы в Верховный Совет. Если демократическим силам удастся одержать верх, создастся ситуация, когда можно будет парламентским путем объявить Латвию независимым государством. Чуешь, какова цена победы?"

-- Ясное дело, -- согласился я.

-- Мы не сможем пойти на выборы самостоятельно. Силы не те. Необходимо создавать общий демократический блок. Впрочем, Народный фронт уже начал его сколачивать. Там во главе дельные ребята: Ражукас, Иванс, Годманис. Нам с ними по пути. Согласен?

-- Согласен. Тем более что другого выхода все равно нет.

-- Я провел с ними предварительные переговоры. Существенных разногласий не вижу.

-- Какова их позиция по поводу гражданства?

-- Нулевой вариант. Однозначно!

Вариант предусматривал автоматическое получение гражданства всеми постоянными жителями Латвии.

-- Тогда мы с ними, -- ответил я за "гвардейцев", ничуть не сомневаясь в том, что они поддержали бы меня в эту минуту.

Что и говорить, проблема гражданства волновала нелатышей с первых шагов "революции". В принципе, я бы не искажил истину, если б убрал кавычки. Это была действительно бескровная революция! А что же еще? Как можно обозначить события, в результате которых меняется государственный строй?

-- В некоторых округах, по нашим оценкам, победить не удастся. Подавляющее большинство там -- военные пенсионеры. Электорат Интерфронта. Некий процент латышского населения. Но побороться и там надо! Как думаешь, ты бы смог повоевать в таком округе? -- спросил он неожиданно.

-- Я? -- вопрос застал меня врасплох.

-- А почему нет? Юрист по образованию, хороший слог, русская фамилия (Волков), интернациональное воспитание, демократические убеждения. Что еще требуется? Годманис, кстати, ухватился за твою кандидатуру обеими руками. Уже и округ для тебя подобрал.

-- Другими словами, место, где мне предстоит свернуть шею?

-- Скорее всего, да! -- честно признался Янис.

Если бы он стал юлить, лавировать, придуриваться, я бы отказался. Тут же все вышло иначе, и я бесшабашно согласился.

Надо быть мудрецом, чтоб равнодушно относиться к славе. Меня хватало на то, чтоб хранить скромность на людях. Огром-

ный микрорайон был увешан агитационными плакатами с моим изображением. Вперемежку с физиономиями моих "друзей-соперников": начальника районной милиции, русоволосого, излучающего, можно сказать, неподдельную задушевность и секретаря партийной организации Прибалтийской железной дороги. Морда, извиняюсь, как у валютного мошенника. Паршивая морда! Журналисты требовали интервью. Было организовано несколько выступлений по телевизору. Меня "раскручивали". Между тем "гвардейцы" регулярно проводили сборища, спорили, размахивали руками, волновались и постоянно доказывали что-то друг другу. Слава Новиков, невысокий, с православной бородкой, вдруг выскочил в центр. Замер, руки по швам. Голос подрагивает, вибрирует.

-- Я готов на все. Можете облить меня бензином и поджечь! Прямо сейчас! -не выдержал и прокатил по щеке пару слезинок.

Народ опешил.

-- Не стоит, друзья, драматизировать ситуацию. Мы все очень ценим тебя, Слава, но давайте попробуем обходиться без жертв, -- положение было не только глупым, но и опасным. Об этом свидетельствовали ненормальные глаза Новикова. Минут пять он, однако, не двигался, как бы решая что-то крайне важное для себя. Никто не отважился корректировать обстановку. Словно он сжимал готовую рвануть гранату и от него единственного зависело, как теперь поступить. Он никого не взорвал, а пошел, поникший, в дальний угол, где и опустился, обессиленный, на тонкий стул.

-- Нам нужна газета! -- возвестил кто-то. И с этого момента моя жизнь стала другой. В один миг. Редактором, разумеется, назначили меня со всей полнотой власти. К тому же выяснилось, что денег на газету нет. Зато я знаю теперь, что это такое -- войти в раж! По-настоящему! Это, я вам скажу, совершенно безумное и безумно увлекательное дело! Ни с чем не сравнимое! В это время ты не живешь на земле. Ты находишься между поверхностью земли и первыми облаками. Примерно, там.

Я официально, по всей форме передал дела издательской фирмы компаньону, выбрал свою долю и немедленно вбухал все в бумагу. Помню, как мучительно перебирали немыслимые названия для нашей газеты. Пока я не вскрикнул: "Эврика! Есть название! "Меньшевик!""

-- Не слишком ли вызывающе? -- засомневался кто-то.

-- Слишком, -- согласился я, но добавил: -- Это будет не минусом, а плюсом. На самом деле отношение публики к "Меньшевику", как и положено, было самым разным. От желания пополоскать мою голову в бочке с дерьмом до восторженного одобрения. Однажды в Москве я близко подобрался к Галине Старовойтовой,

представился, попросил об интервью.

-- Как, как Вы сказали? "Меньшевик"? -- она задиристо подняла большой палец вверх. -- Здорово!

Телевизионщики-японцы увели ее у меня из-под носа. Я даже не успел поерепениться. Правда, вечером, возмещая неудачу, я сидел за старомодным круглым столом на трех ножках напротив известного диссидента Сергея Григорьянца. У него дома. Во внешности правозащитника ничто не указывало на способность сопротивляться властям. Рост и лысина словно скопированы с Ролана Быкова. Артистичен так же. Я на миг представил его в комедийной роли. По-моему, был бы полный успех. Потом это впечатление стало растворяться в больших настороженных глазах. Говорил медленно, неохотно. Ни разу не изменил выражения лица. Скорей всего, он подозревал, что я -- провокатор. Разговорить его по-настоящему не получилось. Он имел право подозревать всех. Меня тоже. Шел 1990 год.

Секретарь партийной организации Прибалтийской железной дороги Маруцак приезжал на предвыборные собрания в сопровождении представительной делегации. Темные костюмы, плащи, белые рубашки, галстуки. Стандартные выражения лиц. Меня в упор не замечали, презирали. Несколько лет тому назад они могли бы в одну секунду смешать меня с говном! И за это, за то, что раньше могли, а теперь нет, ненавидели меня. За то, что вынуждены с таким, как я, соревноваться. Их это бесило, а меня забавляло. Милиционер был без гонора, добродушен. Мы здоровались за руку и обменивались ничего не значащими репликами.

Бедный Маруцак! Он пролетел в первом же туре, как "фанера над Парижем". И где? В округе фронтовиков! Тех, кто вступал в партию под вой снарядов, на несколько минут оторвавшись от автомата. Вот что значит иметь морду мошенника! Правильно говорят: народ не проведешь! Через две недели народ "закопал" меня. Симпатичный капитан милиции поменял служебный кабинет на депутатское кресло. Я поздравил его. Но эта локальная победа уже ничего не могла изменить. Общая победа демократических сил была очевидной. 4 мая 1990 года Верховный Совет Латвии большинством депутатов принял Декларацию независимости. Свершилось!

Свершилось нечто значительное, по всей вероятности, полезное и, несомненно, прогрессивное. Так я воспринимал происходящее. Годманис стал первым премьером независимого государства. Диневич чуть позже займет пост государственного министра. "Меньшевик" регулярно выходил, тираж дотянулся до отметки, которая позволяла мне удерживать семейный бюджет на более или менее приличном уровне.

Я сказал, "победа демократических сил", Это правда, тогда я так и думал. Националисты, сколотившие ДННЛ (лозунг -- "Латвия для латышей"), и супернационалисты, сбившиеся под флагом партии "Тевземей и Бривибас" ("русских вон из Латвии"), в ту весну затаились. Они растворились в общем потоке. Идея объявить независимость парламентским путем заставила их заткнуться. На время. Вопли и стенания начались на другой день после принятия Декларации независимости. Я вслушивался в эти голоса, теша себя тем, что это -неизбежная пена. Но иногда мне чудилось, что это голос латышского народа...

Пришло приглашение в Москву. Там намечено было провести Учредительный съезд Российской социал-демократической партии. Шли разговоры, что партию, возможно, возглавит сам Юрий Афанасьев, известный историк, прославившийся яркими выступлениями на Съездах народных депутатов СССР. Я, конечно, помчался туда.

В зале и кулуарах народ сбивался в кучки и дебатировал. Я вертелся то возле одних, то возле других, пытаюсь зацепить главное, существенное, что позже мог бы напечатать в газете.

В первый день слух об участии Афанасьева еще как-то поддерживался, но к концу второго дня стало ясно, что что-то произошло и его не будет. Озабоченно проскакивал по коридору Александр Оболенский. Тот самый, который с поразительным бесстрашием предложил себя в президенты, составляя альтернативу Горбачеву. Видимо, поступок тот потряс не только миллионы телезрителей, но и самого кандидата в президенты. Выглядел Оболенский значительным, словно не успел выйти из придуманной для себя роли. Подобраться к нему никак не удавалось. Любого журналиста такая ситуация заведет. Я не исключение, а потому призвал на помощь всю смекалку и наглость.

-- Господин Оболенский! Газета "Меньшевик". Рига. Будьте любезны ответить на несколько вопросов! -- перегородил я ему путь, улучив момент.

-- Какой еще "Меньшевик"? У нас тут своих дел по горло. Не мешайтесь под ногами!

Я молча проглотил оскорбление и освободил дорогу. "Повезло советскому народу, что он не стал президентом!" Вот о чем я тогда подумал. И теперь думаю так же.

Томный красавец Олег Румянцев напоминал манерами своего коллегу, но, похоже, имел другое воспитание. Грубостей себе не позволял, просто изящно игнорировал. В конце концов мне повезло, и я наткнулся на раскидистого сибирского парня. Только заметив краем глаза грубоватые руки и депутатский значок на лацкане пиджака, еще не обмолвившись ни единым словом, я

догадался, что это "мой клиент". Со Степаном Степановичем Сулакшиным мы проговорили около трех часов. Искренний, честный и умный. Таким он мне запомнился. Были и другие интересные и приятные встречи. Состоялся прелюбопытнейший разговор, например, с экономистом Дзарасовым.

Латыши должны понимать, что Латвию нельзя сложить в мешок, взвалить на плечи и уйти подальше от российской границы. Мы навсегда останемся соседями. Это обстоятельство необходимо осознать и из него исходить, когда строятся долговременные планы. Ни Россия не погибнет, ни Латвия оттого, что они перестанут сотрудничать. Но и Россия, и Латвия при этом много потеряют. Учитывая ресурсы стран, Латвия, несомненно, потеряет больше. Когда-нибудь это будет осознано. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Боюсь, однако, что будет упущено много времени, много возможностей и тем самым будет нанесен непоправимый ущерб для обеих сторон.

Так случилось, что летел я в Ригу одним самолетом с моим бывшим университетским преподавателем, юристом-международником, профессором Юрисом Боярсом. Теперь он был достаточно известным политиком, народным депутатом СССР.

-- Сейчас не время решать проблему гражданства в Латвии. Обстановка не ясна. Полно таких, кто против нашей независимости. Пятая колонна. Разве таким людям можно давать латвийское гражданство? А как быть с теми, кто не знает и не хочет учить латышский язык? Не существует в мире таких государств, где бы давали гражданство лицам, не способным изъясняться на государственном языке. С этим предстоит разбираться.

-- Но ведь есть страны, где официально присутствуют два и больше языков?

-- Это не освобождает от обязанности владеть языком национального большинства. А что касается Латвии, то для нее двуязычие неприемлемо по той простой причине, что существует угроза вымирания латышского языка как такового.

-- Почему же этого не опасаются во многих вполне цивилизованных странах?

-- Там другая демографическая, политическая и культурная ситуация. И рядом не находятся миллионы соплеменников, готовых растворить в себе маленький народ. Разве это не справедливо?

Через несколько лет известный юрист пристрелит во дворе своего дома автоугонщика. С его точки зрения, это будет справедливо. После чего он возглавит Институт международных отношений.

В Юрмале еще было многолюдно. Трудно представить, что очень скоро пляжи опустеют, а голые здравницы начнут хиреть

на глазах, словно раковые больные. Москвичи, ленинградцы, новосибирцы фланировали по проспекту Йомас, поглощали мороженое, покупали сувениры, обнимались, раскованные и удовлетворенные.

Александра Чаковского, автора "Блокады", сжимало человеческое кольцо, в котором я увидел немало знакомых по ТВ лиц. Маститый писатель, ловко перегоняя нервными губами курительную трубку с левого фланга на правый (пустую, однако, трубку), рассказывал что-то, но явно по обязанности. Приятной и докучливой одновременно. "Не дает Сталин старику покоя. Не дает", -- подумал я, проходя мимо и краем глаза замечая трубку.

Я приехал в дубултский Дом творчества писателей по делу. По писательскому, можно сказать, делу. Была договоренность, что Михаил Варфоломеев (московский драматург) выскажется по поводу моей повести. Коротенькой и, как я теперь понимаю, невыразительной. Встретились мы в баре на первом этаже. Михаила сопровождал экзотичный (для Юрмалы, не для Израиля) бородач. Фамилия его оказалась тем не менее обыкновенной до банальности.

-- Козлов! Детский поэт! -- представил его Варфоломеев. -- Помнишь из мультика, -- он напел: -- "Я на солнышке лежу". Так это его.

Я взял бутылку "Бенедиктина". Ничего другого, кстати, и не смог бы взять за неимением оного. Приметы экономической разрухи обнаруживались повсюду.

-- В целом тебе вещица удалась, -- ободрительно начал драматург. -- Особенно бытовые сцены. Есть и шероховатости, литературные штампы. Эти места я пометил. Расстраиваться из-за этого не стоит. Ты ведь не перенапрягался, когда писал эту штуку? И не делал попыток выверить каждое слово?

-- Верно, -- согласился я тут же.

-- А это, брат, сразу чувствуется. Писательство -- прежде всего труд! Талант потом.

-- Вот, например, Лев Толстой двадцать раз переписывал "Войну и мир", -- вставил детский поэт, и я близко увидел черные, как вход в пещеру, глаза.

-- Писатель -- это тот, кто не писать не может. Для кого писательство то же, что воздух, вода, хлеб. Кто способен справиться с этой страстью, тому лучше вовсе не писать, -- продолжил Варфоломеев.

-- Я читал об этом у кого-то. Лет двадцать тому назад, -- заметил я вяло. Мне не захотелось откровенничать, и потому я не рассказал, что провел эксперимент на себе, живом. Пятнадцать годков потерял впустую и ничего не выиграл. Спасибо мудрецам! (Инте-

ресно: а пробовал кто-нибудь из них сделать то же самое? Или им с самого начала было ясно: стоит только придержать талант и все -- немедленная смерть от недостатка кислорода).

-- Кроме того, в литературе следует избегать прямолинейности. Как в жизни. Неплохо всегда помнить мысль Хемингуэя, которую он выразил через сравнение с айсбергом: на поверхности лишь одна четвертая, а три четверти под водой, -Козлова неудержимо тянуло на личности.

-- Об этом я тоже читал. Примерно тогда же, -- еще более вяло оказал я. Этот пресловутый айсберг, кажется, "заморозил" головы всех, кто время от времени берет ручку и чистый лист бумаги. Айсберг давно превратился в штамп, но об этом никто не задумывался. Словно Хемингуэй был недоступен для простого смертного... Тогда как ничего более доступного в СССР не было. Я заглянул в "пещеру" детского поэта с любопытством, пытаюсь разглядеть сквозь темень истоки наивности.

Сладко-тошнотворный ликер вливался без удовольствия, но в хорошем темпе. Угадывался одинаковый настрой захмелеть, и спустя час, когда бутылки на столике стали напоминать частокол, мы ощутимо продвинулись к цели.

-- Володька (я имел в виду нашего общего друга, театрального актера. находившегося теперь в "завязке" и обходящего по этой причине любое застолье) рассказывал как-то об одном преподавателе из Щукинского училища, старом профессоре, из той интеллигентской семьи театралов, что существовали в дореволюционной России. Он жил в огромной квартире, с прислугой, знал в свое время Станиславского, Довженко. Да, впрочем, кого он только не знал! Но при этом абсолютно ничего не смыслил в простой жизни. Однажды на лекции понадобилось ему для сравнения назвать цену хлеба. Он замялся на мгновение и выпалил: "Предположим, буханка хлеба стоит десять рублей!" К чему я это рассказываю? А к тому, что не хотел бы быть похожим на этого профессора. И вообще, до какой степени можно позволить себе быть нелюбопытным?

Драматург и детский поэт впервые взглянули на меня с интересом.

Несколько человек из русской секции попали в состав ЦК партии. Я тоже там оказался. Заседания устраивались в аудитории Латвийского университета. Я ходил на них, чтоб не считали, что пренебрегаю доверием коллег.

Политическая атмосфера начала меняться сразу после майских выборов и провозглашения независимости. Хлынул поток национальных откровений, местами копировавших "фундаментальный" труд неистового Адольфа. Наиболее впечатлительные дого-

варивались до полного бреда, но никто не предлагал им пройти курс лечения. Наши латышские коллеги по партии были невозмутимы, как прибалтийские крестьяне с отдаленных хуторов. Представители латышской интеллигенции -- писатели, поэты, художники, музыканты враз утратили способность интеллектуального влияния на массы. словно в один миг, скопом эмигрировали.

В Литве раздувал щеки Ландсбергис, доказывая, что и для интеллигента есть место в дни разорений, неразберихи и абсурда.

-- Чтобы стать каменщиком, надо сначала научиться класть кирпичи. Представьте, Янис, что выстроят, предположим, два скрипача и один флейтист, если, кроме музыкальных инструментов, они никогда ничего другого в руках не держали? Почему же считается, что политиком быть проще, чем каменщиком? Неправильно построенный дом может, в крайнем случае, рухнуть и придавить десяток-другой несчастных. Недалекий политик приводит к кровопролитию, где количество жертв исчисляется тысячами, сотнями тысяч, а иногда миллионами. Ответственность за последствия несоизмерима. Так где же логика?

Диневич слушал и снисходительно улыбался. Он прощал мне мою наивность. Точно так же он подходил ко мне после моих резких выступлений в "Меньшевике" и мягко, дружелюбно приводил цитату из какой-нибудь статьи. Обычно ту, в которой непримиримость к национализму выражалась особенно резко. Не комментировал. Повторит, улыбнется и отойдет. В эту минуту мне очень хотелось угадать его мысли.

Слегка раздвинул шторы Андрис Романовскис. Он обращал на себя внимание способностью быть конкретным и умением ясно выражать мысль.

-- Мне, как латышу, было бы по душе, если бы все русские покинули Латвию. Кроме унижений и скатывания в экономическую пропасть, Советский Союз ничего не принес латышскому народу. Оккупация выбила Латвию из колеи нормального европейского развития. У нас нет оснований любить русских. Меня не захлестывает волна гнева, когда появляется очередная статья, в которой мой соплеменник призывает русских добровольно покинуть Латвию; не возмущают даже очевидные перехлесты -- разговоры о депортации, об отказе в предоставлении гражданства русскому населению. Я латыш, понимаешь? Таков мой менталитет. И все эти вещи не могут оскорбить мой слух. Но я не буду поддерживать тех, кого ты в своих статьях называешь националистами. Потому что понимаю, что это опасно. Опасно для нас, латышей. И только из осознания этой опасности я готов сотрудничать с русскими и находить компромиссы. Мне бы хотелось, чтоб ты это понимал,

когда будешь писать следующую статью.

В сентябре девяностого шведские социал-демократы проводили съезд. Два приглашения получили единомышленники из Латвии. По занятости Диневич не мог вылететь в Стокгольм и вместо него готовился к отъезду его заместитель Эгил Балдзенс. Вторую вакансию предложили заполнить мне. Запад я знал только понаслышке, и любопытству, конечно, не было предела. В два дня мне изготовили синий служебный паспорт для выезда за рубеж. Оставалось получить "добро" в КГБ. Никто ведь не упразднял эту организацию! Да, 4 мая Латвия приняла Декларацию независимости, но фактически продолжала входить в состав Советского Союза. Все институты Советской власти действовали. Не так, как во времена Брежнева или Андропова, но действовали.

Тяжелые двери в здании КГБ отвыкли двигаться. Окна прикрыты мрачными портьерами. Что там, за ними? Есть ли кто?

В крохотной приемной женщина-прапорщик забрала мои бумаги и сухо посоветовала позвонить на следующий день. "Оперативно работает служба", - обрадовался я. До вылета в Стокгольм была в запасе неделя.

-- Позвоните завтра. Ваши документы еще не готовы. -- Спокойно ответил комитетчик, когда я уже было собрался вслед за звонком бежать в "Большой дом".

Эта фраза, как стандартная чугунная отливка, с удручающей конвейерной монотонностью выдавалась мне ежедневно. И к концу недели я запаниковал. Простая бесхитростная уловка разведчиков дошла до меня в полном объеме. Никаких тебе хитроумных комбинаций. Дешево и сердито. Запас времени истощился до двух дней, когда мое отчаяние стало перерастать в бездонное возмущение. Я ощутил вдруг небывалый прилив гнева и абсолютное бесстрашие. Так происходит, когда тебе несправедливо съезжают по физиономии и ты бросаешься на врага без оглядки, оскорбленный и охваченный жаждой мести.

-- Вы меня кормите "завтраками" почти неделю, -- начал я отретированную атаку. -- Ваш замысел слишком на поверхности, чтоб его нельзя было разглядеть. В этой связи хочу со всей ответственностью заявить: если по вашей вине я не смогу вылететь в Стокгольм, то об этом будет рассказано не только на страницах "Меньшевика", но и на страницах всех демократических изданий как в Латвии, так и за ее пределами, где у меня достаточно друзей. Это я вам обещаю!

-- Что вы так раскипятились? -- голос выдержан, как столетнее вино. -- Приходите в 16 часов и получите свои бумаги.

Черт возьми, я победил! Головокружительно, восхитительно, дерзко обыграл в одиночку команду законспирированных отъяв-

ленных негодяев. Нет, все-таки не в одиночку. На моей стороне было Изменившееся Время.

В самолете меня и Эгила более всего беспокоила мысль: а что, если нас не встретят в аэропорту? На двоих у нас было ровно столько валюты, сколько потребовалось бы уплатить за одну чашечку шведского кофе. В случае чего, мы не смогли бы даже добраться от аэропорта до города. Если только пешком... Поэтому в разговоре все время упоминался факс двухнедельной давности, где шведы недвусмысленно сообщали, что все расходы по содержанию гостей берут на себя с момента приземления. Этот факс заменял нам успокоительное, и мы принимали его, надо признаться, довольно беспорядочно и суетливо.

Может быть, два высоких шведа имели отношение к службе безопасности, но вычислили они нас еще на трапе и приветливо замахали руками. Третьим встречающим оказалась невысокая бойкая дамочка, бесстрашно запустившая в оборот русско-англо-шведскую смесь. Но это уже значения не имело. Нас разместили в очень приличной гостинице в самом центре Стокгольма (в отдельных номерах), снабдили расписанием мероприятий, и, вежливо откланявшись, наши благодетели растворились в многолюдной уличной толпе. В тот же день, в назначенное время подкатил роскошный двухэтажный автобус, и стало ясно, что, кроме нас, в гостинице проживают еще несколько человек гостей. Доставили в шикарный особняк. Для знакомства друг с другом и хозяевами. В расслабляющей обстановке ужина со спиртным. Гости, однако, набралось с полсотни. Не меньше. Из всех европейских стран, естественно. Из Африки, Южной и Центральной Америки. Несмотря на низкорослость, выделялся бывший президент Никарагуа Даниель Ортега. "Он же коммунист? Экстремист? Как он тут, -- подивился я.-Наверно, это и есть знаменитая западная демократия".

В огромном зале вытянулись многометровые столы с закусками и спиртным. Привыкший к шведскому столу народ раскованно обслуживал сам себя и переходил в другой зал, небрежно балансируя наполненными фужерами. Я не очень уютно чувствовал себя в этой компании. Все время боялся опростоволоситься и старался делать все так, как другие. Коньяки, шампанское, ликеры, водка нагло предлагали себя. "Не нажраться бы ненароком!" -- подумал я и тут же назначил безжалостного надсмотрщика в лице моего второго "я". Срабатывает не всегда, но все-таки...

Потом я напрягался, подыскивая английские слова, и пытался рассказать о положении в Латвии кучке веселых и беззаботных негров. Они блистали белыми зубами, все время смеялись и изрядно поддавали. Мне показалось, что о Латвии, как о географи-

ческом названии, они впервые услышали от меня. Потом я долго говорил с сухопарым и дотошным шведом, который о Латвии имел почти достоверные сведения и которого интересовали многочисленные подробности. Мы не забывали время от времени наполнять наши бокалы, и к концу вечера мой "надсмотрщик" куда-то слинял, оставив меня один на один со всем этим изобилием.

На выходе я наткнулся на Эгила, о котором, честно сказать, нечаянно забыл. Он нес какую-то чушь на языке, отдаленно напоминающем немецкий. По-моему, до отъезда он его не знал. Рядом, ошалело прислушиваясь, стоял долговязый испанец. Кажется, было так. А может, наоборот: испанец шпарил по-немецки, а Эгил очумело вслушивался...

Когда мероприятие организуют дисциплинированные люди, а шведы, на мой взгляд, дисциплинированы сверх меры, оно, мероприятие, начинает напоминать уже нечто техническое, неживое. Все регламентировано и предсказуемо. (В России другая крайность: сначала никак не добиться порядка, чтоб открыть собрание; потом никак не закрыть его.) Помимо заседаний съезда, шведы устроили многочисленные семинары для гостей. По региональному признаку. Мы с Эгилем оказались в числе представителей стран Балтийского моря. К тому моменту в Латвии существовали две социал-демократические партии: ЛСДП, которую мы и представляли, и ЛСДРП, которую возглавил отколовшийся Валдис Штейнс (на съезде его не было). От Литвы и Эстонии прибыли председатели партий: немногословный Антанявичус (когда говорил, вызывал в памяти образ меткого несуетливого стрелка из лука. Бил исключительно в яблочко) и Марью Лаурис-тин (вечно постное брезгливое выражение лица, состоящего из крупных грубоватых черт, с выпирающими, как у зебры, зубами). Красивые женщины находят себе более приятное дело, чем политика.

Я, конечно, хорошо представлял себе тот язык, дипломатичный, приглаженный, очищенный, как банан, от эмоций, на котором требовалось изъясняться. Но, Боже мой, до чего же это скучно -- ходить вокруг да около! В конце концов, я не политик, а всего лишь журналист. Скандал не обязателен, но встряска, возбужденное дыхание

публики -- уйти от этого было выше моих сил. К тому же за столом сидел живой раздражитель, "источник вдохновения". Так я воспринимал поэта и лингвиста из Латвии Улдиса Берзиньша. Он заменил на съезде Валдиса Штейнса. Конкурирующая фирма, в общем. Ко всему прочему предыдущие выступления прибалтов показались мне чересчур однобокими, из них было трудно по-

нять: на чьей же стороне русские, чего они хотят и как оценивают происходящее. Я решил восполнить этот пробел.

Шведы слушали мою речь с неподдельным интересом (я говорил не просто о националистических тенденциях, а о возрождении фашизма и напрямую с ним увязывал имя Валдиса Штейнса, что, разумеется, выходило далеко за рамки дипломатических норм). Коллеги-прибалты сосредоточенно молчали и старались не смотреть по сторонам. Я физически ощущал, как минимум, неодобрение своих действий. Скажу честно, меня это ничуть не смущало. Даже когда я нарвался на испепеляющий взгляд Марью Лауристин.

Эгил Балдзенс не сказал мне ни слова, когда мы покидали зал заседаний. С "конкурентом" мы оба не общались, но его реакцию было нетрудно угадать. Я же был удовлетворен. А когда вдруг, уже на улице, подошел Антанявичус и пожал мне руку, я испытал нечто большее, чем удовлетворение. Значит, не зря сотрясал воздух!

На следующий день швед-распорядитель познакомил меня с энергичной дамочкой с радио, вещающего на Россию.

-- Вы не согласились бы ответить на ряд вопросов в передаче для русских слушателей?

Не согласился бы я? Да для меня было честью выступить перед такой публикой! И я выступил. В том же непримиримом духе! Не упустил случая надавать звонких (на весь Союз) оплеух латвийскому КГБ и посмаковал детали недавно одержанной победы.

-- Ты себя так ведешь, будто не собираешься возвращаться домой, -раздраженно заметил Эгил.

-- А что случилось? -- притворно удивился я.

-- Ты хоть представляешь себе наше возвращение после того, что ты наговорил в интервью? Ты понимаешь, как нас перетрясут на таможне?

-- А мы что, собираемся провозить наркотики? Или оружие?

-- Ты что, в самом деле не понимаешь?

Конечно же, я понимал, о чем идет речь. Дело в том, что шведы, наслышанные о нашей бедности, выдали каждому гостю из Прибалтики по конверту с полутора тысячами крон. "Так предусмотрено регламентом, -- пояснил швед. -- На карманные расходы". Деньги для нас немалые, и нужно было поломать голову, чтоб распорядиться ими наиболее благоразумно. А поскольку я не умел относиться к случайным деньгам с должной любовью, то и решение принял легкое. Себе купил приличный диктофон и фотовспышку, органично вписавшиеся в мой багаж и потому не могущие привлечь внимание таможни; жене -- комплект белья, а дочке -забавную мягкую мартышку. По моим расчетам, на это

таможенники, даже наши, не могли клюнуть.

Практичный (или рассудительный, или и то и другое вместе) Эгил приобрел крупнокалиберный (потому вызывающий) аудиоприемник. В Риге их тогда почти не было, и он намеревался его выгодно "толкнуть". Я нисколько не осуждал его (у Эгила было трое малолетних детей), но для него самого перевозка аппаратуры превращалась в проблему. Выезжая, мы ведь указали в декларации, что не отягощены валютой. Эгида не на шутку волновали возможные вопросы о происхождении денег. Я же своим скандальным интервью обострил ситуацию.

-- В крайнем случае, мы можем сказать правду. Деньги получили официально, в соответствии со шведским законодательством. Мы же их не крали. Чего же бояться? Пусть выясняют правовую сторону со шведами.

-- Станут они тебе что-нибудь выяснять! Жди! Так размажут, что мало не покажется.

Опасения Эгила были небеспочвенны. Мало того, я допускал возможность элементарной провокации. Например, можно при известной ловкости "обнаружить" наркотики и т.д. Предупредил на этот счет Эгила. Бедняга, кажется, перестал спать.

Однако все окончилось благополучно. Для них мы оказались мелкими сошками, которых даже было неинтересно досматривать. И, слава Богу!

Той же осенью "нулевой" вариант гражданства стал превращаться в мираж. Правые настаивали на восстановлении конституции 1922 года. В этом случае гражданство предоставлялось лишь тем, кто обладал им до 1940 года (до момента утраты независимости), и их потомкам. Народный фронт и социал-демократы ударились в дискуссии. Может ли Латвия существовать как Вторая республика? То есть без преемственности с той, доокупационной? Если признать, что через пятьдесят лет в Латвии "кое-что" изменилось; если согласиться с тем, что латвийское законодательство пятидесятилетней давности имеет преимущественно культурно-историческую ценность; если решиться начать жизнь с "чистого листа", отбросив все предрассудки, и перешагнуть сразу в реалии конца двадцатого века, то тогда, конечно, отпали бы многие вопросы и с ними вместе -- вопрос о гражданстве. Несгибаемо, как всегда, держалась парламентская фракция коммунистов "Равноправие".

Не раз и не два попадался мне в жизни человеческий тип, для которого лучшая характеристика: "Он хочет быть святее Папы Римского". Психологический портрет этого типа несложен, хоть и состоит сплошь из противоречий. Что там? Стремление быть "честным до конца", а полнотой своего бескорыстного благород-

ства вызвать совестливое смятение обывателей. Этот тип внимательно наблюдает за самим собой, и наивысшее для него наслаждение -- поплодировать самому себе. Он настолько входит в азарт, что перестает замечать и чувствовать боль собственного народа, она для него не имеет больше значения, и он жертвенно призывает сострадать кому угодно, только не своим соотечественникам. Любопытно, однако, что при всей своей ограниченной способности заглядывать в будущее народ интуитивно чует этих людей и отвергает их. (Вот и теперь, в Финляндии, встретил человека. Швед по происхождению, проживший почти всю свою сознательную жизнь в Мытищах. Ни шведским, ни финским толком не владеет. Родной-то -- русский! Оказалось, член общества, борющегося за возврат Карелии, в котором всего-то двести или триста человек. Довольно агрессивные, прямо скажем, ребята. И мытищинский парень с ними. Вот так!)

Хоть это и неприятно, но надо признать, что мы все, русские социал-демократы латвийского образца, той осенью поддались искушению стать "святое Папы Римского". Отстаивая свободу латышей, мы пренебрегали будущим русских в Латвии. И поплатились за это сполна. Из многотысячного русского населения к нам примкнуло не более пятидесяти человек... (Мне было неловко, когда ЭТО называли партией.)

-- Мы не можем не считаться с мнением народа (с некоторого времени под словом "народ" подразумевались исключительно латыши), -- говорил Диневич. -Народ не готов на "нулевой" вариант гражданства.

Да, это правда, латышский народ был в массе своей против предоставления гражданства русским. Правые лишь озвучивали голос народа.

Мы в "Меньшевике" опасались скатиться на позиции коммунистов, но в то же время не могли принять установки откровенных националистов. Постепенно выработался стиль: лупить со всей бескомпромиссностью левых и правых. Эта тактика не улучшила нашего положения, но спать стало значительно спокойней.

Личная свобода -- это в том числе свобода на заблуждения, ошибки и "неправильный" образ жизни. Вот почему я против того, чтоб мне советовали бросить курить, убеждали жить не по моим представлениям и предлагали не мои варианты решений. Меня раздражают люди, которым кажется, что они постигли смысл жизни и на этом основании имеют право поучать. Взял такой "умник" линейку, угольник, циркуль и давай всех под свою мерку подгонять. Не дай Бог вам таких друзей!

Попахивает бедой, когда чьи-то заблуждения превращаются в агитацию. Трагедия, когда заблуждения становятся официальной

пропагандой.

Существование двух социал-демократических партий в узком латвийском пространстве путало мысли людей, и без того не способных вникнуть в нашу деятельность. В том не было их вины. С ЛСДРП (партией Штейнса) все было более или менее ясно. Они удобно разместились на правом крыле политического спектра и ни в чем не уступали радикалам из партии "Свобода и отечество". По крайней мере они не страдали от раздвоения.

Иначе обстояло дело "в хозяйстве" Яниса Диневича. Национальная карта была ему не по душе. В том смысле, чтоб использовать ее как самый сильный козырь. Он, кажется, не прочь был расположить козыри в другом порядке. Но что можно сделать в компании, где большинство настаивает на своих правилах? Не играть? На такой шаг мог пойти только наивный нерасчетливый человек. Диневич не принадлежал к этой категории. Суетились дурачки, вроде нас: умные прикидывали будущие барыши. Из-за моря нажимали старые социал-демократы. Наезжали и стыдили:

-- Мы сохранили партию в условиях террора и военного времени. А вы не способны сохранить единство, когда никто не препятствует вам.

Начались бесперывные полеты в Стокгольм на консультации. Диневич возвращался, Штейнс -- летел. И наоборот.

Атмосферу латышской эмиграции я успел почувствовать во время недельного пребывания в Стокгольме. В один из дней Эгил сказал мне:

-- Пойдем сегодня в Центр латышской эмиграции. Только у меня к тебе просьба. Раз уж ты не владеешь латышским языком, то лучше ничего не говори. Делай вид, что все понимаешь, и иногда неопределенно кивай головой. Люди там старой закалки, живут довоенными представлениями и к оккупации Латвии относятся не так терпимо, как, например, я. Сам понимаешь, что русский язык там, что красная тряпка для быка.

Я напустил на себя беззаботно-глуповатый вид и, не меняя выражения лица, вошел в недра "истинных" латышей. Забавно было сыграть роль идиота. "Недра" состояли из четырех комнат и просторной гостиной. Угрюмый дядя, неразговорчивый, к счастью, без удовольствия скользнул по моей подозрительно не арийской физиономии. Я вежливо улыбнулся.

-- Кофе? -- спросил он. Мое знание латышского позволяло ответить на столь простой вопрос, но я решил, что произношение тут же выдаст меня, и опять вежливо улыбнулся, согласно склонив голову. Впрочем, я мог бы и не беспокоиться, так как он обращался преимущественно к Эгилу. По-моему, в отношении меня у него не возникло никаких иллюзий.

Мы расположились в гостиной, утопив тела в мягких креслах. Простенькая старушка внесла поднос с ароматным кофе и смущенно удалилась. Эгила интересовали какие-то книги из местной библиотеки, что-то запрещенное в Советском Союзе. Хмурый дядя, видать, в литературе смыслил. Он оживился и, кажется, увлекся, окончательно забыв про меня. Потом они поднялись и ушли в библиотеку. Старушка как будто предвидела это и ожидала.

-- Вы, наверно, говорите по-русски? -- спросила она.

-- Да, -- сознался я, позабыв от неожиданности о конспирации. Куда мне до Штирлица!

-- Простите, но мне так хочется поговорить по-русски. Я уже забыла, когда в последний раз у меня была такая возможность.

Признаться, я был немало ошарашен таким поворотом дел.

-- Кто вы?

Если бы она сказала, что выполняет здесь задание советской разведки, я бы не удивился.

-- До войны я жила в Риге. Мой муж был русским. Его расстреляли в тридцать восьмом. Потом война, эмиграция.

Последнее слово прозвучало с откровенной грустью. Так, что она стала мне сразу очень близкой.

-- И что дальше? -- сочувственно продолжил я свои расспросы.

-- А что дальше? Ничего. -- Значительное такое, бездонное "Ничего".

-- И вам ни разу не удалось побывать на Родине?

-- Ни разу. Сижу вот тут, как крыса в норе. Убираю помещения, мою

посуду... -- Она устало махнула рукой. -- А по-русски здесь никогда не говорят. -- И, перейдя на шепот, добавила: -- Все русское тут ненавидят.

Думаю, Диневичу было не просто вести переговоры в Стокгольме. Думаю, у него не было ни одного шанса. Я имею в виду шанс на искренность. Но и яростный Штейнс был неподходящей фигурой. В любой момент мог опозорить и дискредитировать.

Где-то вдали от посторонних глаз был, наконец, установлен компромисс. Штейнса за борт. Диневича на "вторые роли", а в кресло объединенной партии - Улдиса Берзиньша. Состоявшийся поэт, предполагалось, станет состоятельным политиком. (Назовите мне хоть одного поэта, сумевшего добиться в политике такого же успеха, как в поэзии!)

-- Познакомь его с городом, поводи по Старой Риге. Может быть, стоит съездить на Саласпилский мемориал. Одним словом, займи его до вечера, - инструктировал меня Эгил. -- В ресторан подходите к девятнадцати часам.

Поручение мне определенно нравилось. Что может быть любопытней, чем знакомство с новым человеком? Да вдобавок если этот человек -- преподаватель философии из Рейкьявика? Натуральный исландец и при этом, как говорят, прекрасно владеет русским.

Кому-то в удовольствие топтаться бестолковой кучкой, безвольно следовать за гидом по разноцветным улицам и площадям. "Посмотрите налево, посмотрите направо!" Толпа синхронно поворачивает головы, словно по команде кукловода. Щелк, щелк, щелк. Постреливают фотоаппараты. "Это -- Эйфелева башня! А это -Монмартр! Вот Лувр!" Вы демонстрируете снимки своим друзьям, которые десятки раз видели Эйфелеву башню, Монмартр и Лувр. В цветных иллюстрациях, на картинах импрессионистов, во французских фильмах. Но дело вовсе не в том. Вам кажется, что Эйфелева башня, Монмартр и Лувр стали другими, потому что там были вы и снимки эти ваши.

Нет. Извините, но это не по мне! Для меня в чужом городе самое интересное -- это люди. Образ мыслей, поведение, привычки, традиции.

Наслаждение -- идти и не знать, что откроется тебе за следующим поворотом. Куда свернуть? А вот сюда! Кроме интуиции, никто не вмешивается в мои планы. Вот ухоженный старичок расположился на лавочке и сладко покуривает. Почему бы не составить ему компанию? Оказалось, дедок не только славно изъясняется на английском (куда лучше меня!), но и довольно сносно выражает свои мысли по-русски! Научился во время войны. В немецком лагере. Потом мы перебираемся в ближайшее кафе и потягиваем абсент. До вечера.

Я плутаю среди незнакомых зданий. Иногда упираюсь в тупики. Возвращаюсь. Делаю круги. Ни у кого не ищу помощи. Приятно справиться самому и наконец приметить и припомнить угол дома, какой-нибудь собор или башню, где ты уже побывал и откуда дорога, уже не сомневаешься, приведет тебя в гостиницу. Понимаете теперь, почему я воспринял поручение с удовольствием?

На профессоре из Рейкьявика был легкий плащ, для середины октября в Риге не вполне уместный. Со стороны залива в город непрерывно врывались леденящие потоки ветра, как вражеский десант. Нос философа, к тому же северянина, скоро потемнел. Исландец прижимался к древним стенам Старого города, не проявляя никакого любопытства к достопримечательностям. Но было ясно, что он приготовился вежливо терпеть все лишения "до последнего".

-- Господин Гансен! Есть предложение! А почему бы нам не взять такси и не поехать ко мне? Посидим за бутылочкой коньяка

да побеседуем. Как вы на это смотрите?

Наверно, у нас было одинаковое понимание знакомства с городом. Сверх того, "колотун" лишил философа возможности выбора.

-- Отличное предложение! Если только это будет удобно...

Моя двухкомнатная квартира пробудила в нем дух исследователя. Жилище "совка". Так или примерно так жила средняя советская семья. Чем не музей? Это вам не Лувр. Я отлично понимал профессора. Будь я на его месте, все было бы точно так же.

-- Может быть, хотите осмотреть квартиру? В Исландии вряд ли такие есть...

Он, немного смущаясь, но стараясь не пропустить ничего, осторожно (и, правда, как в музее) двигался из комнаты в кухню, из кухни в коридор, заглядывая по пути в ванну и туалет. Не улавливая "черный" советский юмор, серьезно осмотрел доллар, наклеенный на двери сортира изнутри. Не обнаруживая, однако, удивления. Стабильное такое, западное воспитание! Жена приготовила кофе, я позаботился разлить коньяк. Потеплело.

-- Я не состою ни в одной партии. Сочувствую социал-демократам. Мне интересно наблюдать за теми политическими и экономическими процессами, которые происходят в мире. Особенно в странах Балтии. Мы, исландцы, находились когда-то в похожем положении. Долгий исторический период Исландия подавлялась датчанами. Им так же, как русским, была безразлична судьба коренной нации. Их ничуть не беспокоило, если б исландский язык исчез бесследно.

Профессору уже было известно мое финское происхождение. Потому он говорил о русских, как двое говорят об отсутствующем третьем. Он не учел, что русский -- это мой родной язык. И это обстоятельство, возможно, определяет национальность больше, чем свидетельство о рождении.

-- Простите, господин Гансен! Существует распространенная ошибка, на которую мне бы хотелось обратить ваше внимание. Между "русским" и "советским" есть огромная разница. Советский Союз, правда, сыграл зловещую роль в судьбе многих народов. Можно и необходимо выразить соболезнование чеченцам, крымским татарам, ингушам, прибалтам, моим братьям -- ингерманландцам. Но кто выразит соболезнование русским? Если посмотреть на количество расстрелянных, замученных, изморожденных, то русских окажется столько, сколько всех остальных вместе взятых. Извините за подобное сравнение. Враг у всех народов был один -агрессивный коммунизм советского образца.

-- Согласен. Но в сознании европейцев укоренилась мысль, что народ, не способный противостоять тирании, произволу, беззаконию, также несет на себе груз ответственности за последствия. И

потому русские так легко ассоциируются со всем советским.

– Может быть. Но куда, за чей счет списать миллионы погибших? Что сказать их родственникам? Их тоже миллионы. В чем их вина? Да, мне известно, что к русским относятся по-разному. Что далеко ходить? Взять хотя бы Латвию. Впрочем, не обязательно Латвию. Любое небольшое европейское государство. Даже то, куда не ступала нога советского солдата. Не сомневаюсь, что и там без труда обнаружатся антирусские настроения. Именно антирусские, а не антисоветские. Отчего? У меня есть на этот счет одна догадка. Из области психологии народов. Невысокие люди, как правило, ревниво относятся к высоким. Бессознательно, на генном уровне. То же происходит с народами. Ничуть не желаю оскорбить малые народы. Это попытка взглянуть на проблему так же бесстрастно, как бесстрастен, например, ученый во время проведения опыта. Речь идет о методе исследования. Теперь давайте вспомним. Во всей Европе ни одна страна не сопоставима с СССР или Россией по таким показателям, как территория и численность населения. Русский народ велик в буквальном смысле. Разве это не повод, чтоб только за это их не любить? Обратите внимание, что, несмотря на все противоречия, у американцев другое отношение к русским. На человеческом уровне. Это подмечено многими. Почему? Да потому, что у американцев нет комплексов по поводу "роста" и "веса".

– А Венгрия? Чехословакия? Афганистан? Чьи сапоги топтали чужую землю? Сапоги абстрактного советского воина? Или конкретного русского солдата с именем и фамилией? Какое дело было, например, чеху до Брежнева, если в него стрелял какой-нибудь Коля или Ваня? Американцы потому доброжелательны к русским, что у них была Корея, Вьетнам и так далее. Советский Союз целенаправленно уничтожал культуру, традиции, язык малых народов. Разве русские противились этому? Разве не стоит сегодня латышский язык на грани исчезновения?

– Извините, дорогой профессор! Не стоит. Позвольте начать издали и напомнить реальную, а не придуманную сегодня ситуацию с языком в Латвии. Да, латышский язык не являлся государственным языком, и все делопроизводство велось на русском. Если учесть, что он не являлся главным именно в Латвии, то это, конечно, нонсенс и вопиющая несправедливость. Но, как очевидец, могу свидетельствовать, что на этом, на ведении делопроизводства и заканчивались все притеснения латышей. Во всяком случае в послесталинский период. Гонениям подвергались за инакомыслие, за свободное слово, за антисоветские настроения. И вовсе не по национальному признаку. Единственным исключением были евреи. Они действительно не в пример латышам,

притеснялись в связи со своей национальностью. На самом деле на производстве, на улице, дома латыши свободно общались на родном языке. Были трудовые коллективы, где большинство составляли латыши, и разговор там шел, естественно, на латышском языке. И наоборот. Что касается номенклатурных высших постов в республике, то по большей части их занимали латыши. Председатели колхозов и совхозов, председатели исполнительной власти в районах, руководители среднего и высшего партийного аппарата и КГБ. Латвия постоянно пополняла кадрами центральные партийные органы СССР. Пельше, Восс, Пуго -- наиболее известны. Латышский язык свободно чувствовал себя на радио и телевидении, массово выходили газеты на латышском языке, работали латышские театры. Писатели и поэты печатали свои произведения. Повторяю, преследовалось инакомыслие, но не язык. В издательской деятельности ситуация была целиком в пользу латышей. Напечатать книжку на русском языке было почти невыполнимым делом. Считалось, что русский автор вполне может напечататься в Ленинграде или в Москве, или еще где-нибудь в России, что, возможно, и справедливо, хотя любому автору хочется быть опубликованным дома. Так можно ли все это считать политикой геноцида по отношению к латышскому языку? Вам, дорогой профессор, трудно уловить, а мне хорошо видно, что "новая латышская история" уже пишется. И, боюсь, там придется собирать правду по крупицам. Пример тому -- миф о вымирании латышского языка. Ни один язык не может погибнуть, если народ живет компактно на собственной территории. Даже если вокруг расселились другие народы. Чеченцы, крымские татары, ингуши не утратили свой язык, хоть и были высланы поголовно. История цыган и евреев доказывает то же самое. Эти народы сохранили язык и культуру на протяжении тысячелетий в условиях жесточайшего террора, не идущего ни в какое сравнение с ограничениями языка в делопроизводстве, как это было у латышей. Я понимаю, что, в основном, здесь, в Риге, вы встречались с латышами и то, что я сейчас рассказал, для вас новость. Но я прожил в Латвии почти всю свою жизнь и имею право рассказывать то, что было, а не то, что выгодно "продать" на Запад. Угрозы исчезновения латышского языка никогда не было и нет теперь.

-- Это все крайне интересно! Много справедливого. И все же... Исландия могла утратить родной язык, не повернись история по-другому. Наш язык выжил благодаря созданию народного, национального и однородного государства. Думаю, Латвия стоит перед той же проблемой.

-- Простите, профессор! Но у Латвии нет никаких исторических претензий на народное, национальное и однородное государство.

По той простой причине, что такого государства никогда не существовало. Начиная со времени строительства Риги в

1201 году, здесь постоянно жили немцы, шведы, русские, поляки, евреи. Латвия всегда была многонациональным государством, что было predetermined ее географическим положением, разместившим латышей в гуще европейских народов. У Исландии другая география, способствующая обособленности. Применительно к Латвии народное, национальное и однородное государство такая же утопия, как коммунизм.

Господин Гансен деликатно перевел разговор на мирные рельсы. Однако я понял, что ничуть не поколебал его устоявшихся взглядов. И, честно сказать, был удивлен. Люди, много путешествующие по миру, сильно отличаются от тех, кто не пересекал границ собственной страны. Первым присуща широта охвата проблем. Их отличает доброжелательность, которая идет от осознания мизерности нашей планеты и единства человечества. Вторые подозревают, что мир ограничен рамками того общества, в котором они живут. А дальше -- чужеземцы, враждебные народы, которым нельзя доверять. Провинциальное мышление, связанное канатами к собственной земле, часто выдается за патриотизм. А по сути означает только отсутствие способности видеть мир целиком и понимать, что мы все зависим друг от друга.

Что лежит в основе гордости от принадлежности к той или иной нации, если факт рождения сам по себе случаен, и его никак нельзя поставить себе в заслугу? Если человек выучил десять языков, сделал научное открытие, покорил горную высоту, то понятно, что это его личная заслуга и понятно его чувство гордости за это. Но отчего люди гордятся своей национальностью? Какие усилия затратил француз, чтоб родиться французом? Или латыш, чтоб родиться латышом? Насколько оправдана эта гордость фактом собственного рождения?

Во второй половине января девяносто первого я отправился в юрмальский санаторий. Прошедший год требовал осмысления. Что я чувствовал? Примерно то же, что чувствует человек, долго блуждавший по лесу и незаметно забиравший все время влево, до тех пор, пока тропинка не вывела его вновь к тому месту, с которого он начал свой путь. Идеология "Меньшевика" все круче разворачивалась в сторону от идеологии латышских социал-демократов. Для меня по-прежнему на первом месте оставались общечеловеческие вненациональные ценности. Тогда как для латышей, независимо от политической ориентации, самым существенным и, возможно, единственным мотивом стал национальный. Мне все трудней становилось убеждать самого себя в том, что это неизбежно, морально оправдано и справедливо. Рус-

ских публично, печатно, уже без всякого стеснения, называли оккупантами, мигрантами, людьми второго сорта. Никто не пытался этому препятствовать. Ни власти, ни интеллигенция, ни рабочие, ни социал-демократы. Уродливо проступали контуры будущего. Я всерьез задумался о двусмысленности собственного положения. Официально "Меньшевик" представлял собой партийный печатный орган. Значит, подразумевалось, что я разделяю убеждения и цели латышских социал-демократов. Но в tomto и дело, что, "поварившись" год в этом котле, я мог убедиться, что наши представления далеко расходятся. Более того, обнаружилось, что я не в состоянии даже найти точек соприкосновения.

Санаторный режим в Кемери мерно распределял хвойные ванны, массаж, прогулки по обледеневшему пляжу. Независимо, как иностранная держава, бродил одиноко поэт-песенник Резник. Его никто не тревожил. Даже милые женщины.

Традиционно латышский канал радио неожиданно перехлестнулся на русский язык. В последний раз он обращался к "великому и могучему", пожалуй, накануне выборов в Верховный Совет. Тогда очень уж требовались голоса избирателей. Неважно, какой национальности. Что же случилось на этот раз? Сомнений в том, что произошло нечто, из ряда вон выходящее, не возникало. К тому времени я, кажется, неплохо научился разбираться в пресловутом латышском менталитете... (Да простится мне, но и на события сорокового года я стал смотреть по-иному, через призму того самого менталитета, и перестал удивляться историческим снимкам, на которых фотограф запечатлел советские танки на улицах Риги и толпы улыбающихся людей. С цветами в руках.)

Диктор радио, не скрывая панических ноток, жалобно взывала к русским слушателям. Реакционные силы готовились штурмовать здание Верховного Совета. Латвия на грани военного переворота. Все на защиту демократии и свободы! В Риге воздвигаются баррикады.

Я всколыхнулся. За час вполне мог бы добраться до города. Да. Вполне. Машинально взглянул на вешалку. Пальто, шапка, шарф -- все на месте. Готовность номер один? Год назад я бы не размышлял ни одной секунды. Год назад я был другим. "И тогда я заключил сам с собой сепаратный мир..."-- вспомнилась строчка из романа Хемингуэя. Я встал и спокойно отправился в бар. Потом многие (ощущение, все) будут рассказывать о своем героическом поступке и той суматошной ночи среди бетонных надолбов, срочно завезенных по приказу стратегов из лагеря защитников. Разговоры о том, что эта театральная декорация была бы разметана в считанные секунды гусеницами танков, приравнивались к предательству. Мешки с песком, подпирающие входные двери пра-

вительственных зданий, не убирались полгода. Они символизировали бесстрашие латышского народа, готовность погибнуть, поднимали патриотический дух, возвеличивали нацию. Наверное, кое-кто жалел, что обошлось без большой крови...

Пожалуй, я единственный, кто не был в ту ночь на баррикадах!

Возвращаясь из санатория в Ригу, я уже знал, что мне надо делать. Мысленно прикидывал свое выступление на ближайшем заседании ЦК. Состоялось оно довольно скоро.

В аудитории собралось, как обычно, человек тридцать. Я попросил слова.

-- Предполагаю, что моя оценка политической ситуации в Латвии и перспектив развития на ближайшие годы будет резко отличаться от вашей. Предполагаю, что многим, сидящим здесь, мои слова придутся не по вкусу. Но мы не в элитном английском клубе для джентльменов, и потому я бы просил спокойно выслушать меня до конца, -- так я начал свою речь, что сработало безотказно и установило нужную мне атмосферу напряженного внимания.

-- Партий и движений сегодня в Латвии предостаточно. Можно подумать, что существует широкий демократический спектр. Однако, если отвлечься от фракции коммунистов, которые действительно, несмотря ни на что, имеют собственный голос и проявляют завидную последовательность, то окажется, что между всеми остальными разница не так велика. И заключена она в том, что одна часть латышей вдохновенно возрождает элементы провинциального фашизма (для классического нет масштаба), а вторая -- делает все, чтоб не помешать этому процессу. Фашизм Латвия не построит. Не дадут. Но искалеченное близорукое общество Латвия породить способна. В принципе, уже породила. Более года тому назад я шел к социал-демократам. Сегодня я хорошо вижу, что попал не по адресу. Прошу простить, но партия, которую вы воспринимаете как социал-демократическую, на самом деле таковой не является. Потому и "Меньшевик", господа, вам чужд и неприятен, потому и не поддерживается никак руководством партии. Более того, будучи непримиримым к национализму и называя вещи своими именами, он стал опасен для вашей партии. Ведь кто-то может подумать, что вы разделяете мнение редакции. Все это мне хорошо известно. Как и то, что вы хотели бы видеть на страницах газеты. Здесь, в зале, сидят люди, которые прямо со мной об этом говорили. К сожалению, настал момент, когда я вынужден констатировать, что у нас не осталось точек соприкосновения ни по вопросу гражданства, ни по применению государственного языка, ни по созданию равноправного демократического общества. В этой ситуации я вынужден принять реше-

ние выйти из партии и прекратить издание "Меньшевика". Благодарю всех за внимание!

Я обвел взглядом непроницаемые сосредоточенные лица. Они не прятали глаз. Они смотрели на меня так, как могут смотреть честные, убежденные в своей правоте, люди. Я поклонился и пошел к выходу. Меня никто не останавливал.

Февральское небо над Латвией не имело определенного цвета. Преобладали темно-серые тона и нигде, на всем пространстве, не угадывался счастливый просвет.

Все. "Меньшевик" умер.